

ПАМЯТЬ

Солнце полдня

Со дня гибели Пушкина прошло 160 лет.

Несравненный целитель Авиценна изрек, что каждому человеку дана на его век багря жизни силы и больше не прибавится, независимо от того, когда и на что прольется. Наверное, то же можно сказать и о целой культуре. Неповторимо упущенное мгновение. И вот что писал польский поэт Мицкевич по поводу ранней смерти Пушкина: «Ни одной стране не дано, чтобы в ней больше, нежели один раз, мог появиться человек, сочетающий в себе столь выдающиеся и столь разнообразнейшие способности, которые, казалось бы, должны были исключать друг друга».

Есть единое время русской поэзии. Как бы то ни было, часы давно пущены и песок течет... Из звездной ночи Хлебникова или из предвещенного им рассвета дня мы оглядываемся и припоминаем, как медленно розовело серое утро Тредиаковского и Сумарокова, как дрился великолепный день... Тютчев, это – было уже три часа пополудни. Анненский – сиреневый вечер (не зря «Сиреновой мглой» открывается его книга!). «Цвет» Ахматовой близкий, но вся она – уже в лиловом... А Пушкин был золотым солнцем полдня.

Одаренными были, наверное, все лицейские мальчики, но только его дарование современниками было угадано как гениальность. Сразу видится здесь благородный Жуковский, призвавший друзей соединить усилия, чтобы помочь вырасти исполину, который всех перерастет и раздавит. Видится Вяземский, примчавшийся в Лицей, чтобы увидеть маленькое чудо и потрясенный строкой «в дыму столетий». Батюшков, поблудневший и застонавший при чтении отрывка «А я, повеса вечно праздный...» Ведь и Батюшков к тому времени написал свои великие стихи, но смолкла их томная музыка. Восторжествовало юное бешенство, неистовство необузданной силы. Не минутная это была вспышка, а длительное, неуголимое, грозное горение. Ну и, конечно, забываем эпизод со стариком Державиным. Положим, Державин в своей жизни передавал «пиру» девяти поэтам, и Пушкин был даже не последним, кажется, седьмым. Все равно – какое начало!

Позже названные «Плеядой» поэты, окружавшие Пушкина, старшие и сверстники – ослепительное созвездие. Разве Жуковский «кончился» в тот миг, когда назвал себя «побежденным учителем»? Нет, он шел своим путем, и главные создания были впереди. Разве не велик в своих поэтических прозрениях Боратынский, созревший раньше Пушкина, порою пренебрегавший им и поздно очнувшийся? Или мал Языков с его бурными прорывами в гениальность? Неповторимая черта только того, Золотого века – все, и небольшие поэты эпохи, если не мощны, то оригинальны: Денис Давыдов, Федор Глинка, Шевырев, Бенедиктов, Рылеев, Кюхельбекер... И все лелеявшие, опекавшие отрока, гордившиеся дружбой с ним, признают его превосходство. Никто не выдерживает спора с ним ни в стихотворном состязании, ни в беседе.

«И не оспаривай глупца...» Все же не прекращаются эти попытки сбрасывания с «парохода». Когда нынешний «хлебниковец», нефутурист, теоретик, имеющий непростительную слабость к собственному стихотворчеству, заявляет, что «Полтава» кажется ему скучной, мне хочется сказать самовыраженцу, что никто больше меня не любит Хлебникова, но и Хлебников понимал значение «Полтавы». Что эта поэма, вся – блеск и дрожь, упоение и пламя, вся, от первого до последнего слова. Что она вся – вдохновение (слово не пошлое, когда речь идет о пушкинском вдохновении). И все же – не главная поэма у Пушкина. Казалось, лучше нельзя, но ведь был еще «Медный всадник». Две главные русские поэмы, и обе – о Петре. Недаром Блок заметил, что, когда Пушкин поет о Петре, возникает особое волнение, ведь это – «свое».

В наивные юные годы я мечтал собрать антологию одного стихотворения. На демократических началах. От каждого поэта взять по такому стихотворению, с которым он в этот мир пришел. Родился, чтобы сказать именно это. Набралось 270 стихотворений. Головоломная трудность возникла прежде всего с Пушкиным. Что предпочесть: «К вельможе» или «Полководец», «Для берегов отчизны дальней...» или песню из «Пира во время чумы», «Пророк» или «Буря мглою небо кроет»? А может быть, «Когда для смертного...»? И так далее, и так далее... Он слишком многолик. Как писал многоученный немец: «Все лицины поэта для читателя – чарующая добавка, из-под которой, однако, чувствуется общечеловеческое».

Считается (и мы с этим смиряемся), что Пушкин на мировую литературу не повлиял. Напротив, его влияние на нее огромно (и не только косвенное – через великих русских писателей, которых без Пушкина не было бы, но и самое прямое). Известно высказывание Достоевского о том, что «новое слово» сказали Пушкин и Гоголь. Но возникает вопрос, как

да и в каких сочинениях это «новое слово» прозвучало? Попытаемся назвать точную дату: 1823 год, поэма «Цыгань». «Оставь нас, гордый человек. Мы дики; нет у нас законов. Мы не терзаем, не казим – Не нужно крови нам и стонов – Но жить с убийцей не хотим...» Это произведение Пушкина, этот «ужас кочевников, бегущих от убийцы», поразили создателя «Кармен» Проспера Мериме, рано разглядевшего дальнюю зарю, встающую на славянском Востоке. Мериме, увлекшийся Пушкиным и Россией (одно время он даже, вероятно, был российским «агентом влияния»), как-то выучил русский язык, перевел «Пиковую даму». Творчество этого великого мастера европейской прозы в определенной мере родственно пушкинскому и не избежало воздействия пушкинских сюжетов и приемов. Влияния этих перемен тона, то горячо взволнованного, то делового и черство-отстраненного.

Восхищаясь художниками, пребывающими в огне страстей и борьбе противоречий, мы забываем о том, что высшее искусство – в гармонии, обаяющей все и всепримиряющей, сферичной. Чувство соразмерности и сообразности в высшей мере было свойственно немногим русским поэтам. На-

Автопортрет А. С. Пушкина. 1829 год

звал бы имена Боратынского, Сологуба, Ахматовой... Но прежде всего – Пушкина! При кажущемся спокойствии глубина переживания. Сжатость, последняя точность... «Быстрый обморок любви» – строка тем более невероятная, что произнесена шестнадцатилетним лицеистом.

Однажды вечером я сидел в гостях у Тарковского. Говорили несколько часов о том о сем и, в частности, о «Египетских ночах». И в какой-то отупляющей одуре, к стыду нашему, оба забыли первое полустишие: «...Гремели хором Певцы при звуке флейт и лир. Царица голосом и взором Свой пышный оживляла пир; Сердца неслось к ее престолу...»

– Да, да, но что же раньше? – спросил Арсений Александрович. Схватились за томик Пушкина, нашли там два слова: «Чертог сиял». Восхитились. Ведь Александр Сергеевич, как кинорежиссер, чтобы была возможность оглядеть всю картину, сначала «включил свет».

Уважительно перечитываю статьи, письма Катенина. Это ведь в некотором роде – учебник Пушкина. Павел Александрович, сам не обладавший значительным художественным дарованием, имел большой кругозор и помог Пушкину уйти из-под опеки карамзинистской «школы», дал масштаб и мерило: «Ни Данте, ни Тасс, ни Камюэнс, ни Сервантес, ни Шекспир, ни Мильтон, ни Расин, ни Мольер не предводительствовали полками пигмеев». Да, «побой, но

А. С. Пушкин.

Рисунок и гравюра Т. Райта 1837 г.

бенком будучи, когда высоко Звучал орган в старинной церкви нашей. Я слушал и заслушивался – слезы Невольные и сладкие текли». Мне кажется, что это у нас – самые благородные по звуку, гармонично-царственные стихи. «Моцарт и Сальери». Драгоценность русской поэзии, удивительно, что оба героя – иностранцы.

В жилище Юрия Тьянова все стены были увешаны исписанными страницами и лоскутками. Выписки из Пушкина висели на веревках, лежали на столах и стульях, устилали пол и чуть ли не были приклеены к потолку. Взгляд всюду наткнулся на знакомые слова в надежде на новое прочтение... Что-то похожее на практику медитации «дзен». Армия пушкинистов и пушкинианцев несчетна, и ее подпирал резерв – неисчислимая народная рать любителей поэта, призывавшего собратев народной любовью не дорожить... Было бы наивным надеяться (тем более в рамках газетной статьи) сказать что-то принципиально новое.

Предположим, в записной книжке есть какие-то находки, подлинные или мнимые, самодельные суждения о влияниях и заимствованиях. Но мне хо-

чется сказать о людях, знавших Пушкина, о тех, кому он щедро дарил время и всю радостную тяжесть «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет». Среди людей этих было несколько великих – равных собеседников. Например, Петр Чаадаев или Владимир Даль... Однажды в его жизнь вошел гений, и это был поэт-ровесник – Адам Мицкевич. Постоянно притягивающий к себе почитателей, подобный планете в окружении сонма спутников, Пушкин вдруг столкнулся с большим «небесным телом», проходящим мимо по собственной орбите. Излучение и притяжение. Мощь ума, дерзкая сила воображения и – невиданная способность: дар пророческих импровизаций, может быть, унаследованный от матери, происходившей из семьи иудейских мистических сектантов, принявших католичество. Конечно, заезжий итальянец-импровизатор из «Египетских ночей» – Мицкевич. Пушкин был поражен навсегда. Знакомство двух поэтов было в общем недолгим, но убежден: разговор не прекращался ни на миг всю оставшуюся жизнь. Все – с оглядкой на лучшего из встреченных ценителей. И многие стихи, и «Бахчисарайский фонтан», и «Медный всадник», и строфы «Евгения Онегина», и «Песни западных славян», и проза, и статьи, и письма, и высказывания в свете. Пушкин и переводил Мицкевича, и прямо писал о нем: «Но ни один волшебник милый, Владетель умственных даров, Не вымышлял с такою силой, Так хитро

сказок и стихов, Как прозорливый и крылатый Поэт той чудной стороны, Где мужи грозны и косматы, А жены гуриям равны». Это – из дивного стихотворения «В прохладе сладостной фонтанов», обрамленного самоцветным восточным орнаментом Крыма. В эпоху «семьи единой» утверждалось, что оно о Фирдоуси или о Руставели, что было бы кстати на очередном празднике дружбы. Но Фирдоуси здесь ни при чем, да и Руставели (хотя о прекрасной Грузии Пушкиным написано много прекрасного). Аргументом было: не может быть светлой Польшей страна этих косматых мужей и гурий! Но ведь Мицкевич, прославивший Крым в знаменитых сонетах, был «певец Литвы».

Скажу недоказуемое – мне мерещится, что в некоторых стихах Пушкина, произнесенных с мыслью о Мицкевиче, в жару и лихорадке поэтического восторга, прорезается надменно-шляхетская интонация. В шелесте звуков чудится польский акцент: «... Спроси его, Зачем арапа своего Младая любит Дездемона, Как месяц любит ночи мглу? Затем, что ветру и орлу И сердцу девы нет закона».

Яростно-остервенелый «спор славян между собою». В пылу его Пушкин выкрикнул немало ужасных слов, которых поляки осмыслить и простить не в силах. Но надо иметь в виду, что взаимное тяготение двух гениев было подлинным и, как все настоящее, двойственным. Это была дружба-вражда, любовь-ненависть. И соперничество, и братство. Конечно, и Мицкевич, волнуясь, думал о Пушкине. Читал о нем лекции в Париже, писал статьи, достойно почтил его память.

Мицкевич долго был единственным живым гением, с которым был знаком Пушкин... Неожиданно Александр Сергеевич осознал подлинное значение молодого, покровительствуемого им Гоголя. Ранние гоголевские вещи его искренне веселили, потом пошли совсем не веселые: «...как грустна наша Россия!»

Привыкший отдыхать душой в милой «маниловщине» нашокинского семейства, Пушкин вдруг прочел «Мертвые души». Ужаснулся неведомому лику родной страны. Осудил, что в воздухе эпохи – катастрофическая нехватка кислорода. Наверное, это его и убило... А «красавица» и бретер всегда находятся. Самоуверенно-непререкаемая Цветаева в данном случае, конечно, права. Известно, что гибель в 37 лет была предсказана Пушкину гадалкой. Я не специалист в этих делах, но мне кажется, что наша судьба заложена в собственных наших настроениях, и гадающие лишь прикасаются к потоку мыслей и страстей. Накануне своей гибели Пушкин смертельно устал от гнетущих переживаний и неурядиц, от мрачных предчувствий, от непосильного ожидания новой весны (это время года он не любил). Его нежелание жить и творить убедительно изображено Ходасевичем: «Оставил дрожки у заставы, Побрел пешком. Ну вот, смотри теперь: дубравы Стоят кругом. Недавно ведь мечтал: туда бы, В свои поля! Теперь несомны рощи, бабы И вся земля. Уж и возвышенным и низким По горло сыт И только к теням застигийским душа летит. Уж и мечта, и жизнь – обуза Не по плечам. Умолкни, Парка! Полно, муза! Довольно вам!»

Из всего, что написано о Пушкине, мне больше всего нравится высказывание Бунина в ответ на анкету «Каково Ваше отношение к Пушкину». Иван Алексеевич надумал ответить таким образом: «Никак я не смею относиться к нему...» Еще хорошие стихи Ярослава Смелякова: «В январе тридцать седьмого года прямо с окровавленной земли подняли тебя мы всем народом...» Хороши еще потому, что отвага беспримечная, разумеется, упомянут и другой, более близкий 37-й. Оба года принесли России величайшие несчастья.

Что самое удивительное в высоком искусстве... Его произведение – живые организмы, некоторые «клетки» и «слои» которых отмирают, но рождаются новые. Оплакивал Ходасевич Пушкина в том же «прочтении», которое было у прежних поколений. Да, давно недоступно нам то очарование, но из окаменелых слов внезапно прорастает свежая зелень, из-за угла выбегают новые смыслы, которых автор и не мог предвидеть. Пушкин продолжает говорить с русскими читателями о насущном, и никогда не прервется «сердечная связь» (выражение К. Аксакова) между Ним и нами.

...В заключение – рассказик одного советского поэта, весьма небездарного, но сломенного отсидкой и по реабилитации ставшего ветераном юбилеев и декад: «Едем мы из Святых гор. Хорошо погуляли на Пушкинском празднике. На повороте попросился в автобус мужик. Оглядел нас, писателей, и говорит: «Все Пушкин, да Пушкин. А чего Пушкин? Какие такие стихи?.. Вот знали бы вы, как в старину девки по деревне поют наше народное «Буря мглою небо кроет!» Так – мороз по коже!»

Михаил СИНЕЛЬНИКОВ

Пушкин Алексеевич Сергеевич 2-3.02.97